

УДК 070.421

ВИКТОР АСТАФЬЕВ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Н. С. ЦВЕТОВА^{1), 2)}, П. А. ГОНЧАРОВ³⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,

Университетская набережная, 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

²⁾Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
набережная реки Фонтанки, 15, 191023, г. Санкт-Петербург, Россия

³⁾Мичуринский государственный аграрный университет,
ул. Интернациональная, 101, 393760, г. Мичуринск, Россия

Аннотация. Изучаются современные особенности литературно-критической презентации творчества писателя, формирование и эволюция писательского именного дискурса. Цель анализа литературно-критических источников, презентующих ключевые варианты интерпретации творчества (этико-философский, этносоциальный, цивилизационный, контекстуальный, жанрово-композиционный, биографический), – выявление логики формирования дискурса, системы факторов, определяющих его смысловую структуру, жанровый состав. Исследование именного литературно-критического дискурса выдающегося прозаика дает возможность говорить о направлении эволюции литературной критики и закономерностях литературного процесса, который в последние десятилетия «управляется» не столько политическими, эстетическими или аксиологическими контекстами, сколько коммерческими и пиар-контекстами, что влияет и на смысловую структуру, и на речевую форму литературно-критического высказывания. Перспективы исследования связаны с возможностью использования полученных выводов в процессе описания, выявления институциональных характеристик современной траектории продвижения имени писателя, уже получившего статус классика.

Ключевые слова: литературная критика; В. П. Астафьев; проза; проблемы презентации; дискурс; фактор.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 23-18-00408).

Образец цитирования:

Цветова НС, Гончаров ПА. Виктор Астафьев: специфика формирования именного литературно-критического дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика.* 2024;2:37–46.
EDN: DPJIFE

For citation:

Tsvetova NS, Goncharov PA. Viktor Astafyev: the specifics of the formation of a nominal literary and critical discourse. *Journal of the Belarusian State University. Journalism.* 2024;2:37–46. Russian.
EDN: DPJIFE

Авторы:

Наталья Сергеевна Цветова – доктор филологических наук, доцент; профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций¹⁾, профессор²⁾.

Петр Андреевич Гончаров – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Authors:

Natalia S. Tsvetova, doctor of science (philology), docent; professor at the Higher School of Journalism and Mass Communications^a and professor^b.

Petr A. Goncharov, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines.

goncharovpa2015@yandex.ru

VIKTOR ASTAFYEV: THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF A NOMINAL LITERARY AND CRITICAL DISCOURSE

N. S. TSVETOVA^{a,b}, P. A. GONCHAROV^c

^aSt. Petersburg University, 7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

^bRussian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky,
15 River Fontanka Embankment, Saint Petersburg 191023, Russia

^cMichurinsk State Agrarian University, 101 Internatsionalnaya Street, Michurinsk 393760, Russia

Corresponding author: N. S. Tsvetova (cvetova@mail.ru)

Abstract. The authors of the article focused on the modern features of the literary and critical presentation of the writer's work, on the formation and evolution of the writer's nominal discourse. The purpose of the analysis of literary and critical sources presenting key interpretations of creativity (ethical-philosophical, ethnosocial, civilisational, contextual, genre-compositional, biographical) is to identify the logic of the formation of discourse, a system of factors determining its semantic structure, genre composition. From the point of view of the authors of the article, the study of the nominal literary and critical discourse of an outstanding novelist makes it possible to talk about the direction of the evolution of literary criticism in general and the patterns of the literary process, which in recent decades has been «controlled» not so much by political or aesthetic, axiological, as by commercial, PR context, which affects both the semantic structure and the speech forms of literary criticism. The prospects of the study are related to the possibility of using the findings in the process of describing and identifying the institutional characteristics of the modern trajectory of promoting the name of a writer who has already received the status of a classic.

Keywords: literary criticism; V. P. Astafyev; prose; presentation problems; discourse; factor.

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 23-18-00408).

Введение

Литературный дискурс сегодня сегментарен, поэтому является объектом исследования нескольких гуманитарных дисциплин, в число которых входят филологические научные направления, медиалогия, социология и аксиология журналистики (литературы). Особый статус в структуре этого дискурса имеет литературно-критический сегмент, формирование которого началось в эпоху абсолютного господства риторики и особенно активно продолжилось в российской периодике в XVIII в. Известно, что основной блок проблем, связанных с институционализацией литературной критики, был обозначен А. С. Пушкиным.

О литературно-критических и журналистских текстах поэта написано достаточно много. С точки зрения авторитетных исследователей, разножанровое собрание текстов (критические, полемические статьи, заметки, дневники, письма) позволяет судить о значении работ А. С. Пушкина для становления национального критического метода, о феноменальности его художественно-критической концепции, которая, по словам Б. Ф. Егорова, легла в основу прочной и разветвленной традиции, сформировавшейся уже к середине XIX в.

А. С. Пушкин серьезно относился к журналистике, журнальной критике и мотивировал это отношение в письме, адресованном П. А. Вяземскому, из Михайловского: «А ты не пренебрегай журнальными мелочами. Наполеон ими занимался и был лучшим журналистом Парижа». При этом поэт часто иронизировал по поводу «глубины критических замечаний» и откровенной ангажированности современников [1, с. 413].

Основанием для литературно-критической деятельности стали эстетические представления А. С. Пушкина, подкрепляемые конкретными примерами из художественной и литературно-критической практики, блестящее знание которой позволило ему создать одно из наиболее точных описаний литературной ситуации. А. С. Пушкин писал о наиболее ярких творческих индивидуальностях, о конкретных историко-литературных фактах и событиях, но при этом всегда стремился выявить главные тенденции развития литературы, транслирующие декларируемые им эстетические нормы, прежде всего установку на «простомыслие» (А. С. Пушкин) [1, с. 412] как на единственную форму выражения «артистического совершенства» (А. А. Вишневский) [1, с. 410].

Как литературный критик А. С. Пушкин предпочитал прямые, иногда резкие и часто неожиданные оценки литературных фактов, но одной из ключевых задач литературной критики признавал выявление причин успеха или неудачи автора. Будучи учеником Н. Ф. Кошанского, автора одной из самых популярных российских риторик, поэт блестяще освоил классическую модель критического высказывания и активно использовал ее.

Именно А. С. Пушкин впервые точно определил каноническую сверхзадачу литературной критики – посредничество между писателем и читателем, заключающееся не только и не столько в научно-познавательном воздействии, сколько в формировании вкуса, отсутствие которого является непреодолимым препятствием при дешифровке авторской идеи.

В послепушкинскую эпоху литературно-критический канон претерпевал значительные изменения,

которые фиксировали В. П. Муромский, Б. Ф. Егоров, В. В. Перхин, М. М. Голубков, Е. А. Добренко, В. В. Прозоров и др. Изменялось представление о субъекте, объекте, функциях и жанровых особенностях литературно-критического высказывания. В последние годы литературная критика все чаще рассматривается как коммуникативный феномен, успешно и эффективно осваивающий новые медиа как коммуникативные

каналы, при этом значительно нарушая традиционные установки [2]. Подчеркивается, с одной стороны, влияние коммерческого фактора, который актуализирует внетекстовые компоненты литературно-критического дискурса («биография автора, его имидж, способ подачи текста, обстоятельства создания» [3, с. 12]), с другой стороны, неизбежность политизации, идеологизации литературоведения в целом [4].

Постановка проблемы

Объект интереса авторов настоящего исследования – литературно-критический дискурс о В. П. Астафьеве. Историко-литературный астафьевский дискурс формируется более полувека. Первое объемное и обстоятельное исследование творчества В. П. Астафьева, принадлежащее А. Н. Макарову, вышло в свет 50 лет назад. К настоящему моменту В. П. Астафьеву посвящено несколько критико-биографических очерков. Значительным вкладом в исследование творчества писателя стали научные монографии, в которых анализируются различные аспекты его наследия, десятки статей, воспоминаний, опубликованных в разных типах изданий (от научных до массовых). С течением времени состав этой огромной совокупности текстов менялся из-за влияния постоянно развивающейся системы каналов коммуникации, трансформации структуры субъекта коммуникации, эпохального уточнения коммуникативной сверхзадачи.

Цель статьи – выявление факторов, влияющих на характер презентации творчества писателя в публичном коммуникативном пространстве, актуализацию того или иного интерпретационного подхода к литературному тексту.

Эмпирическая база исследования включает знаковые публикации, посвященные личности и творчеству писателя, в журналах, специализированных и массовых изданиях, которые сегодня активно публикуются повторно на разных интернет-ресурсах, аккумулируются на информационных каналах Всероссийского Астафьевского научного центра, открытого в 2024 г. в деревне Овянка Красноярского края (на родине писателя).

При создании эмпирической базы использовался метод репрезентативной выборки. В процессе описания эмпирического материала, помимо общенаучных методов, позволяющих выявлять смысловую структуру анализируемых текстов, использовались элементы лингвопраксиологического подхода.

Результаты и их обсуждение

Как уже было сказано, первым интерпретировал творчество В. П. Астафьева известный советский критик А. Н. Макаров, заложивший основу наиболее продуктивного для советского и постсоветского периода этико-философского подхода. Соотнося основные положения философской этики И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля со смысловой структурой первых повестей В. П. Астафьева, А. Н. Макаров обоснованно называл В. П. Астафьева моралистом, пишущим о душе.

Этико-философское содержание художественной прозы В. П. Астафьева, как и ряда значимых литературных произведений позапрошлого и прошлого столетий, касающихся сложных и противоречивых событий русской социальной истории, предлагалось считать приистекающим из самой сути поэтического творчества. Искушенные критики апеллировали к давнему высказыванию Аристотеля, утверждавшего при сопоставлении историка Геродота с абстрактным поэтом следующее: «Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой – о том, что могло бы произойти. Вследствие этого поэзия содержит в себе более философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история – частное» [5, с. 99]. Могут ли сосуществовать любовь и смерть, любовь и война? Чем яв-

ляется Великая Отечественная война для России, в чем главное заблуждение современного человека, касающееся его отношений с природой, что теряет современная цивилизация с утратой деревни, традиций? На первом этапе освоения литературных текстов В. П. Астафьева именно эти вопросы определяют интерпретационный подход литературной критики.

Этико-философский уровень в числе прочего предусматривал поиск ответов и на следующие смежные вопросы: каково мировосприятие и мировоззрение В. П. Астафьева? насколько эти характеристики устойчивы, и насколько они оказываются подвижными, динамичными? Результатом критического поиска стало формирование убежденности в том, что В. П. Астафьев придерживается в плане усвоенной им с крестьянского детства трудовой этики, ее принципов. Именно поэтому умение и желание ответственно выполнять трудную работу в военное время характеризует героя его первого рассказа Мотю Савинцева и героев романа «Прокляты и убиты», а созидательный крестьянский труд оказывается предметом внимания в романе «Тают снега», повести «Последний поклон», очерке «Паруна». Работа сплавщика, охотника, рыбака, детектива,

литератора тоже учитывается В. П. Астафьевым. Но труд, усилия, направленные на обогащение («Стародуб», «Царь-рыба») за счет ограбления природы, ближних и дальних потомков, оказываются поставленными под сомнение.

Рассказы 1950-х гг., роман «Тают снега» давали вроде бы однозначные ответы на эпохальные атеистические, характерные для официальной культуры того времени, вопросы. Но уже повесть «Стародуб» заставляла критиков говорить о пантеистических мотивах и идеях, усилившихся в творчестве В. П. Астафьева 1960–70-х гг. Путь от обожествления природы к религиозному христианскому мирозерцанию занял у писателя всю жизнь, но критика стала указывать на это обстоятельство значительно позже [6].

В дальнейшем критики отрефлексируют не менее важный вопрос о наиболее близких, актуальных для В. П. Астафьева мотивах христианского вероучения. Отмечалось, что в первой книге повести «Последний поклон» для В. П. Астафьева оказываются привлекательными идеи христианского прощения, возможности ответа добром на зло, незлобивости. Данные идеи и мотивы были наиболее ярко реализованы в главе-рассказе «Конь с розовой гривой» (1968).

Еще позже в центре внимания критиков оказывается глава «Ангел-хранитель». Христианские мотивы бессмертия добра, чудесного спасения начинают восприниматься как сближение В. П. Астафьева с христианским вероучением, «двигателем» этого сближения оказывается этика крестьянской семьи, во многом «обогащенный» писателем образ бабушки Катерины Петровны.

Только в новом столетии интерпретаторы творчества В. П. Астафьева сосредоточиваются на наиболее устойчивых эсхатологических мотивах и идеях. Для понимания и толкования специфики религиозности писателя актуализируется предельно важная в данном случае мысль Н. А. Бердяева: «Русское искание правды жизни всегда принимает апокалиптический или нигилистический характер. Это – глубоко национальная черта» [7, с. 128]. Источником эсхатологических истолкований произведения «Последний поклон» критика с течением времени определяет бабушку героя-повествователя, отмечая двойственность ее характера. В соответствии с тенденциозной партийной эстетикой олицетворяющая уходящий мир патриархальной деревни старуха мыслит в категориях апокалипсиса, но советский писатель по определению не должен транслировать мысли о безрадостном, трагическом окончании истории. Эта ситуация истолковывается как прямое указание на органику астафьевской эсхатологии, которая родом не столько из христианской и философской книжности, сколько из народно-христианских представлений [8].

Следующий, философско-антропологический, этап литературно-критического осмысления творчества В. П. Астафьева, был связан с развитием размышлений литературных критиков о типологии его персонажей. Сначала в центре внимания критиков А. А. Павловского, А. О. Большева, О. В. Богдановой оказалась предложенная писателем структура национального характера. В новом веке критика сосредоточилась на этнопсихологии сибиряка. Эту исследовательскую линию довели до кульминационного развития участники коллектива исследователей из Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева во главе с М. И. Шиловой [9]. Представители данного направления зафиксировали, что сибиряк, кержак, чалдон, северянин, сельдюк, новосел-самоход и другие названия этнографических групп в произведениях В. П. Астафьева – понятия, заключающие в себе изменяющиеся с течением времени смыслы, и их использование далеко от случайности. Одним из наиболее весомых доказательств является затесь «Манская грива», в которой В. П. Астафьев пишет: *С тридцатых годов, с полного воцарения в стране победного строя большевиков началось вытеснение местных крестьян с их пашен и заимок; в тридцать четвертом году размашисто действующие сплавицы, в основном самоходы-пролетарьи, которым никого и ничего не жалко, избуровили, изувечили усть-манские благодатные пашенные земли, потом и кровью отвоеванные у тайги, понастроили на них шумные, клопяные бараки*¹ [10, т. 7, с. 128]. Контрастным является позитивно-лирическое восприятие сплавицников из повести «Перевал», большинство которых по происхождению тоже «самоходы-пролетарьи». Эта разница связывалась с особенностями и результатами эволюции взглядов В. П. Астафьева на переселенческие волны в Сибири. Переселенцы советского времени у позднего В. П. Астафьева получают негативные номинации («самоходы-пролетарьи»), вероятно, из-за их связи с «победным строем большевиков». Понятие «сибиряк» наполняется несколько иным социально-этническим содержанием вне соотнесенности с местом рождения персонажа. На этнокультурном уровне обнаружены и характеристики образа автора-повествователя, и определение специфики образа сибиряка как главного героя астафьевской прозы.

С начала нового столетия в работах критиков-литературоведов формировался контекстуальный (интертекстуальный) мифологический (мифопоэтический) уровень интерпретации астафьевских текстов. Русский фольклор, мифы и легенды народов Сибири, реминисценции из творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, имена которых критики обнаруживали не только в художественной прозе, но и в статьях, письмах В. П. Астафьева,

¹Цитаты приводятся с сохранением орфографии оригинала. – Н. Ц., П. Г.

давали возможность создавать литературный контекст, говорить о традиции, ближайшем окружении, единомышленниках и оппонентах. Сегодня именно этот подход является основой для формирования взгляда на творчество В. П. Астафьева с позиций литературной регионалистики – концепции вологодской школы, сибирской литературы. Акцент делается на сибирской литературе, составившей во второй половине XX в. вместе с литературой русского севера основу деревенской прозы.

Наши наблюдения позволяют говорить о значительном воздействии на деревенскую прозу, в том числе на прозу В. П. Астафьева, не только литературной классики, но и литературы народнической традиции (Д. В. Григорович, Г. И. Успенский, А. И. Эртель). Последняя обнаруживалась в деревенской прозе прежде всего в принципах изображения крестьянского сообщества и его составляющих, построенных на идеализации крестьянина, крестьянского мира, сообщества. В данном случае есть основания для уточнения понятийного аппарата современной критики и литературоведения, поскольку в понятие идеализации традиционно вкладывалось значение приукрашивания, отступления от правдивости, достоверности. Понятие «идеализация» в случае В. П. Астафьева родственно фольклорной идеализации, которая служит не способом ретуширования изъянов, а средством презентации народного идеала красоты и гармонии.

Интересное замечание интерпретатора связано с произведением «Последний поклон», где В. П. Астафьев пишет о своей рано ушедшей в иной мир матери-крестьянке: *И никогда мама не проходила мимо дома свекра просто так, поклонится гнезду, в котором изработала молодость, всплакнет: «Тянька! Марья! Дедушко! Где-ка вы? Студено, поди-ко, без родимого-то угла?»*. Все это мне часто рассказывала бабушка Катерина Петровна после гибели мамы, рассказывала всякий раз с прибавлением не только слез, но и черт маминого характера, привычек, поступков, и облик мамы с годами все более выветривался в памяти бабушки, оттого во мне он свят, и, хотя я понимаю, что облик моей мамы, вторично рожденный и созданный бабушкиной виной перед рано погибнувшей дочерью и моей тоской по маме, едва ли сходился с обликом простой, работающей крестьянки, мама была и теперь уж навеки останется для меня самым прекрасным, самым чистым человеком, даже не человеком, обожествленным образом [10, т. 4, с. 340]. Обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае писатель предлагает исследователям своеобразный более точный синоним к понятию, обязанному своим утверждением фольклористике. Идеализация на языке В. П. Астафьева есть обожествление. Эта лексема не может входить в синонимическую пару со словом «приукрашивание». В более поздних литературно-критических публикациях принцип ан-

тропоцентризма, определяющий для современных наук о человеческих сообществах, вытесняется традиционным для русского искусства теоцентризмом. Адекватность этого принципа по отношению к произведениям В. П. Астафьева подтверждается и высказанным в романе «Прокляты и убиты» принципиально важным суждением: *Когда-то я подхватил и с энтузиазмом повторял слова Константина Симонова: «Всю правду о войне знает только народ». Увы, теперь я знаю, что всю правду о войне знает только Бог* [10, т. 10, с. 747].

Подход к анализу произведений искусства, связанный с уровнем отношения к цивилизационным пластам, оказывается в сложной корреляции с формационным подходом к искусству, к методам литературного творчества. Критический реализм в соответствии с таким подходом целью своей критики имеет изъяны социального устройства, связанные с такой формацией, как капитализм (буржуазное общество). Цель социалистического реализма в соответствии с формационным подходом – утверждение социалистического идеала. Повесть «Последний поклон» и другие произведения В. П. Астафьева остро обличают изъяны социалистического переустройства Сибири, что было отмечено на первом этапе презентации этого текста. Более того, сразу же фиксировалось, что повесть «Царь-рыба» отражает последствия этого переустройства не только в Сибири, но и во всей России. «Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас», – утверждает писатель без отсылок к какой-либо формации. В комментариях к повести «Царь-рыба» сам В. П. Астафьев обобщал: *Пусть придут другие радители слова и отразят «деяния» свои и наши, постигнут смысл трагедии человечества, в том числе и поведают о крушении Сибири, покорении ее отнюдь не Ермаком, а гремящим, бездумным прогрессом* [10, т. 6, с. 430]. Критика фиксировала внимание на мысли писателя о том, что именно натиск технократической цивилизации в XX в. оказался роковым и губительным для Сибири. А в 1980-е гг. В. П. Астафьев предложил обобщения, относящиеся одновременно и к России, и к Западной Европе. В интервью «Хомо технократус» он заявил: *Повидавши разгром природы на Урале, гибель деревни в средней России и наблюдая варварское, колониальное отношение к природе, земле и богатствам великой, богатейшей страны под названием Сибирь, с горьким недоумением глядевший в погибию воды рек Европы – Эльбы, Рейна, Сены, я никакого оптимизма насчет будущего земли высказать не могу, хотя и рад бы* [10, т. 12, с. 290]. Кто и что (какая формация, какой именно социально-экономический строй?) оказывается мишенью астафьевской мысли?

О необходимости и органичности цивилизационного подхода к творчеству сам В. П. Астафьев говорил в затеси «Урбанизация». Не понравившиеся подпившему задиристому деревенскому парню

манеры его городских сверстников (разбили нос без традиционных для деревни «предисловий») вызывали у персонажа обиду и недоумение: «Как же тут жить-то?». В произведении отмечалось характерное произношение этого слова соборной старушонкой-привратницей: *Наши учёные девки из музею уррр... уррр-банизацией это зовут* [10, т. 7, с. 255–256]. Подчеркнутое аллитерацией «рычание» слова (и главное стоящего за ним феномена) демонстрирует отношение к нему не только персонажей, но и автора.

При цивилизационном подходе В. П. Астафьев, как и вся деревенская проза, оказывается среди апологетов аграрной, традиционной для России, цивилизации, в стане критиков изъянов урбанистической и технократической цивилизаций. С учетом вышесказанного можно сделать вывод о том, что схожие с В. П. Астафьевым взгляды были не только у русских писателей второй половины XX в., но и у представителей других эпох и стран: А. И. Куприна, И. А. Бунина, Ч. Т. Айтматова, Э. Хемингуэя, Э. Штритматтера и др.

Именно цивилизационный подход к конфликтам астафьевской прозы побуждает осмыслить экологическую и деревенскую проблематику произведений писателя как одновременно социальные, национальные, глобальные, всечеловеческие, соприкасающиеся с некоторыми идеями Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Н. Гумилева.

В качестве аргумента против тех критиков, которые настаивали на том, что В. П. Астафьев не считает Сибирь варварской, дикой, самоедской, привлекалась его публицистика. В комментариях к повести «Последний поклон» не раз отмечалось, что В. П. Астафьев, вспоминая командировку на строительство Красноярской ГЭС, совпавшую со временем начала работы над произведением (конец 1950-х гг.), писал: *Я жил в родной деревне, смотрел на своих односельчан, занятых земельным и рабочим повседневным делом, и думал: «Ну, хорошо. Все герои, и все героическими делами обуяны, а кто же тогда их-то, моих родных гробовозов <...> отразит и расскажет о их вечной жизни и о труде, которым земля и все на земле держится?» А тут еще и строители «масла в огонь подлили», явились в Сибирь с ружьями, фотоаппаратами, купленными на «подземные» деньги. Значит, как они сойдут с поезда, ступят на дикую сибирскую землю, сразу же завалят медведя и сфотографируются, поставив победительно ногу на поверженного зверя* [10, т. 5, с. 378].

Как значимые для истолкования цивилизационных предпочтений В. П. Астафьева интерпретируются иронические, доходящие до сарказма выпады в адрес явившихся из «краевого центра» браконьеров в рассказе «Царь-рыба». В главе «Летит черное перо» критики выделяли аллюзивную пародию на известную народную песню о Ермаке на стихи К. Ф. Рылеева. В песне фигурирует дикий берег Ир-

тыша, но объектом сатирической аллюзии в данном случае стал не К. Ф. Рылеев, не народная песня, а представление городских отпускников и солидарных с ними людей о Сибири как о крае диком. Аргументом в пользу такого прочтения в данном случае стал диалог рыбинспектора Черемисина с браконьерами из «краевого центра»:

– Приятно кушать!

– Спасибо! – сдержанно отозвались рыбаки. Приглашать незнакомца к столу не стали – хватит с них, поправили выпивку и харчей «самоедам» [10, т. 6, с. 204].

Нарушение традиций гостеприимства оказывалось здесь в одном ряду с высокомерием заезжих рыбаков, воспринимающих обитателей берегов Енисея в качестве едва ли не дикарей. Однако даже предвзятым критикам было ясно, что позиция автора повести неоднозначна: В. П. Астафьев далек от восприятия местных рыбаков как дикарей-«самоедов», а потому чушанские браконьеры переименованы в этом эпизоде в рыбаков. Они, не говоря уже о Черемисине, выигрывают в сравнении с «цивилизованными» представителями «краевого центра». Разрушение сибирских традиций не привлекало В. П. Астафьева ни в каком варианте. Это утверждение подавалось критикой как аксиома.

Уточнение жанрово-родовой и жанрово-композиционной принадлежности произведений В. П. Астафьева – одна из самых сложных проблем для литературной критики. Размышления над ней позволяли ответить на вопрос о причастности писателя к жанрам публицистики.

Вышеописанный подход позволял ответить на вопрос о том, в какой степени для В. П. Астафьева (автора романа «Тают снега», повести «Перевал») органичны сюжетные схемы производственного романа и производственной повести, – вопрос, представляющийся современным историкам литературы едва ли не кощунственными. В этом контексте стоит напомнить ахматовскую фразу: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Тем более что не является «сором» литературное творчество А. И. Куприна («Молох»), А. П. Платонова («Ювенильное море»), М. А. Шолохова («Поднятая целина»), Л. М. Леонова («Русский лес») и другие произведения русской литературы XX в., позволяющие литературным критикам без особых усилий отнести их к производственной литературе.

Критика с особым пиететом относилась к затеям – авторскому жанру В. П. Астафьева – с момента их появления. Затеси относили то к лирике, то к лирической прозе, ссылались на их родовую неоднородность. Жанрово-родовой уровень интерпретации формировался и при определении активности комического и сатирического начала в творчестве В. П. Астафьева. Является ли комическое особенностью пафоса произведений В. П. Астафьева, принадлежащих к различным жанрам? Не является

ли сатира в целом, основанная на различных приемах осмеяния, самостоятельным родом литературы? Все эти вопросы актуализировала литературная критика, хотя и было признано, что комические, сатирические приемы, используемые В. П. Астафьевым, не столь радикально воздействуют на жанровую принадлежность произведений, например, не являются основанием для того, чтобы выводить его роман «Печальный детектив» и повесть «Веселый солдат» за пределы эпоса. Критиками отмечалась предельная активность комических и близких к ним приемов в прозе писателя, о чем свидетельствуют гротескность и карикатурность образов Дамки и рыбака Грохотало в одноименных главах повести «Царь-рыба», влияние анекдотичности на тональность повести «Звездапад»: *... вот приходит, стало быть, старик Еремей с собранья, а старуха уж тут как тут: «Об чем собранье было? Чё постановили?» Ну, старик Еремей поначалу кураж напустил, потылицу чешет: «Да разве, говорит, скажут нашему брату, об чем оно, собранье-то, было!..» – «О-ой, старик, не лукавь! Все ты понял, да мне оказывать не хочешь! Помучить меня жалаешь...» – «Ну уж, ладно уж, – вздохнул старик, – об мансипации собранье было, об равноправьи, значит. И вырешили: к каждой бабе прикрепить по два мужика». – «Ну-к чё жа – собранье уж зря не постановит! Вот и будете оба-два как сродные братья жить...» [10, т. 2, с. 253]. Отмечалось и сопряжение эротических аллюзий с намеками на социально-политические тенденции времени и т. п.*

Не только эти элементы астафьевской поэтики становились поводом для уничтожающей критики. Приведем вполне конкретные примеры. Так, А. Г. Байбородин возмущен «косыми, исподлобными, поздними взглядами В. П. Астафьева на русский народ и русскую историю», критик сравнивает его с «русофобствующим германофилом Тургеневым» [11]. Ю. М. Павлов писал об «авторском антихристианском отношении к человеку» позднего В. П. Астафьева [12]. Что было бы, если бы такой «аналитический» подход восторжествовал при интерпретации некоторых давних произведений А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. Горького, в частности его статьи «Заметки о русском крестьянстве»?

Критики не учитывали, что ирония и сарказм писателя соотносятся в значительной мере со свойственной ему склонностью к горячему отрицанию лжи, догматических подходов к изображению жизни. Эта тенденция рассмотрения творчества В. П. Астафьева нарастала, видоизменялась, варьировалась, но во многом определяла содержание и пафос произведений писателя.

Наступление нового этапа в литературной биографии писателя, вероятно, можно связать с инициированным В. П. Астафьевым в 1996 г. проведением в родном селе конференции «Литературные встречи в русской провинции», которая будет восприня-

та критикой в контексте идеологически важного для всех «деревенщиков» понятия «провинция». Критики не раз обратят внимание на писательское признание, прозвучавшее в рассказе «Тельняшка с Тихого океана». Главный герой рассуждает: *Сожалел ли я о том, что не перебрался в столицы и не помаячил «на виду»? Я провинциален по духу своему, неторопливой походке и медленным мыслям* [10, т. 9, с. 185]. Но с течением времени становится ясно, что это событие обозначало изменение в самооощущении писателя, в осознании им актуальности культуртрегерской миссии.

Пока этот самый сложный комплекс проблем для тех, кто видит свое призвание в сохранении читательского интереса к литературному наследию писателя, закрыт. Основным литературным инструментом поддержания астафьевского литературно-критического дискурса можно назвать публикации, посвященные биографическому компоненту его литературного пути. Несмотря на то что мы начали с упоминания о существовании уже нескольких биографических томов, в этой области исследований полно лакун и неточностей. Не опубликована даже полная автобиография, названная писателем «Расскажу о себе сам». Литературные критики так и не выявили биографическую основу ключевых глав повести «Царь-рыба» («Бойе», «Сон о белых горах»), отдельных эпизодов повестей «Последний поклон» и «Обертон». Никто так и не предложил убедительного ответа на целый ряд важных для понимания характера творческой эволюции художника вопросов. Например, куда именно, с какой целью, при каких обстоятельствах во второй половине 1940-х гг. уезжал из Чусового будущий писатель? Об этих отъездах упоминала М. С. Корякина-Астафьева, но детально их не комментировала. Важность детализации биографических сведений обусловлена необходимостью уточнения дат. Однако, как свидетельствует опыт В. А. Зубкова, после кропотливого труда в архиве уточнившего дату начала написания В. П. Астафьева повести «Пастух и пастушка» [13, с. 36–38], работа с датами относится к сфере литературоведения.

Сегодня интерес к личной и литературной биографии писателя реализуется не столько в литературно-критической, сколько, скорее, в пиар-плоскости. Причем объект пиар-продвижения не всегда можно определить достаточно точно. Так, А. П. Статейнов в повести «Несчастливая профессия» совершает не вполне удачную попытку анализа «политических взглядов» В. П. Астафьева, по сути фамильярно-панибратски заявляя: *«...озлобленность обесценивала талант Петровича»* [14]. Но подобные бытовые оценки, переходящие в обобщающие характеристики, сопровождали и других известных художников. Достаточно вспомнить педалирование пристрастия к алкоголю, акцентирование классовой чуждости С. А. Есенина, звучавшее и в стихах В. В. Маяковского, и в произведении «Злые заметки» Н. И. Бухарина.

Бытовой уровень очень часто претендует на рост до уровня мировоззренческого, связанного с политической злободневностью. Так, в последние годы получили известность работы, цель которых – политическая и всякая иная компрометация В. П. Астафьева. Так, Ю. М. Павлов уверенно заявляет: «Ельцинофильство Астафьева обязательно соседствует с русофобией, в степени которой Виктор Петрович превзошел многих и многих» [15, с. 148].

Противоположную точку зрения высказывает М. Д. Шраер, ссылаясь на переписку В. П. Астафьева с Н. В. Эйдельманом и частные высказывания писателя, и прокурорски утверждает принадлежность В. П. Астафьева к числу «нутряных антисемитов», обвиняя прозаика «в сермяжном русоцентризме его воззрений на историю» [16, с. 39–40]. Причем в вину писателю ставятся не только те или иные высказывания, но и умолчания.

Вероятно, М. Д. Шраер не читал многих астафьевских произведений, если утверждает следующее: «Лишь в романе “Царь-рыба” (1977), который я считаю шедевром Астафьева и одним из важнейших произведений позднего советского периода, писатель нашел в себе силы на время отринуть антиеврейские стереотипы» [16, с. 19]. Где же уважаемый критик смог отыскать антиеврейские стереотипы в таких известных произведениях писателя, как «Звездапад», «Последний поклон», «Пастух и пастушка»?

Ю. М. Павлову скорее всего нужны иные доказательства отсутствия русофобии в позиции В. П. Астафьева. Вероятно, добровольный уход писателя на фронт, его ранения и кровь, отнюдь не метафорически пролитая за Россию, привязанность В. П. Астафьева к русской провинции, с точки зрения критика, не являются доказательствами астафьевского русофильства.

М. Д. Шраер в работе о В. П. Астафьеве и деревенской прозе задается следующими вопросами, уже заключающимися в себе готовый ответ: «Как прове-

сти черту между художественными достижениями и моральным безобразием писателя? Как оценивать писателя, который о своем родном народе говорит с художественной честностью, но при этом с враждебностью и злобой пишет о тех этнических и религиозных группах, которые воспринимает как чужаков, несущих разрушение культуре и традициям его родной земли?» [16, с. 8].

Отсутствие корректности, добросовестности при интерпретации можно объяснить не столько политической злободневностью поднятых критиками вопросов, сколько вызывающими суждениями по этим вопросам, в которых используются популярный литературный материал и авторитетное имя писателя. В чем проявляется ксенофобия, в которой В. П. Астафьева обвиняет М. Д. Шраер, и русофобия, что видится Ю. М. Павлову, в последовавшем за уже процитированным эпизодом горько-риторическом эмоциональном заключении героя повести? *Не один я такой жалостливый жил в здешней местности. В России всегда жалеют и любят обездоленных, сырых, арестантских, пленных, бродячих людей, не дает голодная, измученная родина моя пропасть и военнопленным, последний кусок им отдаст. Вот еще бы научиться ей, Родине-то моей, и народу, ее населяющему, себя жалеть и любить* [10, т. 13, с. 198]. Вряд ли В. П. Астафьеву, как и его героям, чужды сострадание, пушкинская милость к падшим, и, скорее всего, эти свойства перестали быть элементами прекрасного. Аристотель утверждал, что «главные формы прекрасного – это порядок соразмерности и определенности» [5, с. 68]. Эти главные формы определяют существо В. П. Астафьева-художника. Именно поэтому и слышится в голосах привлечших к себе внимание с помощью недобросовестной интерпретации астафьевских текстов критиков интонация знаменитых крыловских персонажей, легитимизированная эпохой пиара.

Заключение

Любая литературная эпоха однажды завершится. Сегодня критики-традиционалисты, которые в той или иной мере руководствовались каноном и совершили открытие В. П. Астафьева-прозаика, оказались в полосе забвения. Они были сосредоточены на интерпретации этико-философского, аксиологического содержания произведений писателя, нацелены на прорыв к глубинным смыслам через интерпретацию деталей, обращались к опытному читателю, профессионалам. Суть их исследовательского интереса в значительной степени была обусловлена социальным запросом на постижение изменений в национальном ментальном пространстве, происходящих из-за цивилизационного сдвига. Медийный дискурс о В. П. Астафьеве вплоть до 1990-х гг. формировался при доминирующем участии специализированных

СМИ. Издания «Литературная газета», «Литературная Россия», «Книжное обозрение», «Культура» и практически все толстые советские журналы использовали для презентации имени писателя два жанра – литературно-критическую статью и круглый стол. Траектория продвижения писателя включала только техники анонсирования (публикации в еженедельнике «Книжное обозрение»).

К кому обращается новое поколение астафьевских интерпретаторов? К профанному читателю, который не способен совершить даже простые аналитические операции, настроен на получение сенсационной информации, заинтересован в полярных оценках и суждениях. В чем заключается коммуникативная установка современного критика, оккупирующего в первую очередь новые медиа? В воспитании литературного

вкуса, как настаивал А. С. Пушкин? Скорее всего, в значительной степени в удовлетворения собственных интересов, возможно, связанных с установкой на самопродвижение, при реализации которой вполне допустимо паразитировать на темах и проблемах, вызывающих интерес в силу их конфликтности.

Художественный мир большого творца неисчерпаем, как Вселенная, попыткой постижения которой и являются его произведения. В. П. Астафьев оставил значительное наследие, исследовать и осваивать которое необходимо с самых разных позиций, на самых разных уровнях. Однако метод и уровень исследований должны быть адекватны исследуемому материалу. После завершения нового критико-биографического этапа, демонстрирующего очевидную деградацию «информационно-оценочных» текстов

(термин В. Н. Крылова) в значительной степени вследствие игнорирования канонических критериев, наверное, удержание интереса к творчеству В. П. Астафьева может быть связано с литературной регионалистикой. На первом этапе критика работала на В. П. Астафьева, сегодня творчество писателя используется критиками, завтра, возможно, наступит время применения его имени в структуре имиджа территорий, а послезавтра произведения В. П. Астафьева будут рассматриваться в контексте интересов человека, в заботах о запущенной душе которого жил и работал замечательный художник. Авторы настоящего исследования надеются, что именно так будет выглядеть траектория продвижения имени писателя, на формирование которой сегодня влияют законы уже не столько литературной, сколько пиар-коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Вишневский АА, составитель. *А. С. Пушкин об искусстве*. Москва: Искусство; 1999. 679 с.
2. Крылов ВН. *Русская литературная критика. Проблемы теории, истории и методики изучения*. Москва: Флинта-Наука; 2016. 240 с.
3. Колядич ТМ, Капица ФС. *Русская проза XXI века в критике. Рефлексия. Оценки. Методика описания*. Москва: Флинта-Наука; 2010. 360 с.
4. Иглтон Т. *Теория литературы. Введение*. Москва: Территория будущего; 2010. 296 с.
5. Аристотель. *Поэтика. Риторика*. Санкт-Петербург: Азбука; 2000. 347 с.
6. Золотухина ОЮ. *Религиозный поиск В. П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя*. Красноярск: Красноярская государственная академия музыки и театра; 2015. 199 с.
7. Бердяев НА. Духи русской революции. *Литературная учеба*. 1990;2:123–129.
8. Цветова НС. *Бытийные мотивы в творчестве В. П. Астафьева*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2009. 58 с.
9. Шилова МИ, редактор. *Сибирский характер как ценность*. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева; 2014. 256 с.
10. Астафьев ВП. *Собрание сочинений. В 15 томах*. Красноярск: Офсет; 1997.
11. Байбородин АГ. Поле брани Виктора Астафьева [Интернет]. 2017 [процитировано 6 июня 2023 г.]. Доступно по: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/EUGENICS.HTM>.
12. Павлов ЮМ. «Солдатская правда» Виктора Астафьева – кривда о человеке и времени [Интернет]. 2020 [процитировано 25 июля 2024 г.]. Доступно по: <https://literator35.ru/2020/10/theme/yurij-pavlov-soldatskaya-pravda-viktora-astafeva-krivda-o-cheloveke-i-vremeni/>.
13. Зубков ВА. *Наедине с Виктором Астафьевым*. Пермь: Издатель И. Максарова; 2011. 150 с.
14. Статейнов А. «Несчастливая профессия» [Интернет; процитировано 25 июля 2024 г.]. Доступно по: <https://proza.ru/2021/01/14/276>.
15. Павлов ЮМ. «Поздний» Виктор Астафьев: темные и светлые знаки судьбы. В: *VI Селезневские чтения. Актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории*. Краснодар: Краснодарский государственный университет; 2020. с. 146–155.
16. Шпраер МД. *Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы. Астафьев, Белов, Распутин*. Санкт-Петербург: БиблиОроссика; 2020. 111 с.

References

1. Vishnevskii AA, compiler. *A. S. Pushkin ob iskusstve* [A. S. Pushkin on art]. Moscow: Iskusstvo; 1999. 679 p. Russian.
2. Krylov VN. *Russkaya literaturnaya kritika. Problemy teorii, istorii i metodiki izucheniya* [Russian literary criticism. Problems of theory, history and methods of study]. Moscow: Flinta-Nauka; 2016. 240 p. Russian.
3. Kolyadich TM, Kapitsa FS. *Russkaya proza XXI veka v kritike. Refleksiya. Otsenki. Metodika opisaniya* [Russian prose of the 21st century in criticism. Reflection. Evaluations. Methods of description]. Moscow: Flinta-Nauka; 2010. 360 p. Russian.
4. Eagleton T. *Teoriya literatury. Vvedenie* [Theory of literature. Introduction]. Moscow: Territoriya budushchego; 2010. 296 p. Russian.
5. Aristotle. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. Saint Petersburg: Azbuka; 2000. 347 p. Russian.
6. Zolotukhina OYu. *Religiozniy poisk V. P. Astaf'eva v kontekste tvorcheskoi evolyutsii pisatelya* [V. P. Astafiev's religious search in the context of the writer's creative evolution]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya gosudarstvennaya akademiya muzyki i teatra; 2015. 199 p. Russian.
7. Berdyayev NA. [Spirits of the Russian revolution]. *Literaturnaya ucheba*. 1990;2:123–129. Russian.
8. Tsvetova NS. *Bytiinye motivy v tvorchestve V. P. Astaf'eva* [Existential motifs in the work of V. Astafiev]. Saint Petersburg: St. Petersburg University; 2009. 58 p. Russian.

9. Shilova MI, editor. *Sibirskii kharakter kak tsennost'* [Siberian character as a value]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev; 2014. 256 p. Russian.

10. Astafyev VP. *Sobranie sochinenii. V 15 tomakh* [Collected works. In 15 volumes]. Krasnoyarsk: Ofset; 1997. Russian.

11. Bayborodin AG. Victor Astafyev's battlefield [Internet]. 2017 [cited 2023 June 6]. Available from: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/EUGENICS.HTM>. Russian.

12. Pavlov YuM. «Soldatskaya Pravda» by Viktor Astafyev – krivda about man and time [Internet]. 2020 [cited 2024 July 25]. Available from: <https://literator35.ru/2020/10/theme/yurij-pavlov-soldatskaya-pravda-viktora-astafeva-krivda-o-cheloveke-i-vremeni/>. Russian.

13. Zubkov VA. *Naedine s Viktorom Astaf'evym* [Alone with Viktor Astafyev]. Perm': Izdatel' I. Maksarova; 2011. 150 p. Russian.

14. Stateinov A. «An unhappy profession» [Internet; cited 2024 July 25]. Available from: <https://proza.ru/2021/01/14/276>. Russian.

15. Pavlov YuM. «Late» Viktor Astafyev: dark and light signs of fate. In: *VI Seleznevskie chteniya. Aktual'nye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniya, istorii* [6th Seleznev readings. Current problems of journalism, criticism, literary criticism, history]. Krasnodar: Krasnodar State University; 2020. p. 146–155. Russian.

16. Schraer MD. *Antisemitizm i upadok russkoi derevenskoi prozy. Astaf'ev, Belov, Rasputin* [Anti-Semitism and the decline of Russian village prose. Astafyev, Belov, Rasputin]. Saint Petersburg: BiblioRossika; 2020. 111 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.08.2024.

Received by editorial board 30.08.2024.